

УДК 16

Болдыгин Геннадий Васильевич

канд. филос. наук, доцент
НОУВПО Гуманитарный университет
(г. Екатеринбург)

Boldygin Gennadiy Vasil'evich

Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Liberal Arts University – University
for Humanities (Ekaterinburg)

**И. КАНТ О СПЕЦИФИКЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКОГО
И ПРАКТИЧЕСКОГО ВИДОВ
ПОЗНАНИЯ (статья первая)**

**I. KANT ON THE NUANCES
OF THEORETICAL
AND PRACTICAL COGNITION
(Article One)**

Аннотация

Кант первым открыл, что *практические правила поведения* познаются иначе, чем познают свои предметы *науки теоретического познания*. Эта первая статья посвящена в основном воззрениям Канта на предметы практического и теоретического познания, которое он противопоставлял не эмпирическому познанию, но исключительно рациональному.

Ключевые слова: благоразумие; вещь; лицо; искусность; Кант; критика разума; мораль; познание; правила поведения; практика; практическое; природа; разум; рассудок; свобода; счастье; телеология; умение.

Abstract

Kant was the first to open the fact that there is a difference between the way *practical rules of conduct* are learned and the way *theoretical sciences* cognate their subject matters. This Article One is largely devoted to Kant's views on theoretical and practical cognitive subject matters; he opposed them not to empirical cognition but to rational knowledge only.

Keywords: prudence; the thing; face; ingenuity; Kant; critique of reason; morals; cognition; rules of conduct; practice; the practical; nature; reason; understanding; freedom; happiness; teleology; skill.

Данная статья продолжает публикации, посвященные воззрениям Канта на суть *практического* и *теоретического* видов познания, осознание специфики которых положило начало *критическому* периоду его творчества¹. В письме М. Герцу от 21 февраля 1772 г. Кант написал о замысле «предложить критику чистого разума, которая рассматривает природу и теоретического, и практического познания, поскольку оно есть чисто интеллектуальное. Сначала, – продолжает он, – я составлю первую часть этой критики, содержащую источники метафизики, ее метод и границы, а потом уже – чистые принципы морали. Что касается первой части, то я издам ее в течение трех ближайших месяцев» [18. С. 490]. Э. Кассирер, одним из первых обративший внимание на это письмо, утверждал: «То, что позже Кант назовет “революцией в способе мышления”, “коперниканским переворотом в проблеме познания”, здесь совершено» [20. С. 115].

Однако грандиозное сочинение под названием *Границы чувственности и разума*, первым разделом которого мыслилась *критика чистого разума*, так и не вышло в свет. Предполагаемый же раздел превратился в самостоятельное произведение, которое было опубликовано не по частям, а целиком и уже под именем собственным – «Критика чистого разума», но не через 3 месяца, а спустя 9 лет, в 1781 г. И почти вся она была посвящена *теоретическому* познанию. Исследованию *практического употребления разума* (этот оборот постепенно вытесняет словосочета-

¹ См.: Болдыгин Г. В. И. Кант о теоретическом и практическом видах познания // Вестник РУДН. – Серия : Философия. – 2012. – № 3. – С. 68–91; Болдыгин Г. В. Истина или польза? Избранное. LAP, Saarbrücken, 2013. – С. 58–96.

ние *практическое познание*) отдана одна только последняя глава книги – *Канон чистого разума*: «...этот канон будет касаться не спекулятивного, а *практического употребления разума*, к исследованию которого мы теперь и приступаем» [5. С. 1001]. Вместе с несколькими высказываниями из предыдущих разделов эта глава занимает чуть больше 60 страниц из 900.

Диспропорцию в освещении двух видов познания можно объяснить поспешностью, с какой Кант волевым решением оборвал работу над первой *Критикой*.

«Только страх, что смерть или старческая слабость может внезапно прервать его деятельность, – писал Кассирер, – заставили Канта придать, наконец, внешнее завершение его мыслям, которое он сам признавал предварительным и неудовлетворительным» [20. С. 120]. Вовсе не *Критика* была главным предметом его научных интересов. Она мыслилась Кантом лишь подготовительной работой, *пропедевтикой к метафизике*². И эта «пропедевтика» чуть ли не с самого начала работы над ней мешала его метафизическим построениям³.

Однако *критика разума* даже после издания посвященной ей книги не отпускает Канта. В 1783 г. выходят *Пролегомены...* [9], значительная часть которых посвящена разъяснению основных положений *Критики*, ее понятий и терминов, которые, по признанию Канта, приводили его современников в шок [18. С. 506]. В 1785 г. издается *Основоположение к метафизике нравов* (далее *Основоположение*), а еще через год – *Метафизические начала естествознания*. Казалось, вся возможная подготовительная работа завершена и ничто уже не препятствует исполнению мечты – доработке и изданию *метафизики нравов*, а затем – и *метафизики природы*, создание которой Кант в 1781 г. считал «скорее развлечением, чем трудом» [6. С. 25], но которую завершить ему так и не удалось.

Однако уже в процессе написания *Основоположения* у Канта формируется идея *критики практического разума*. Он даже думал переработать *Основоположение*, дав ему другое имя. Правда, для этого, считал он, нужно *представить единство практического разума с разумом спекулятивным в некоем общем им принципе*. Но «до такой полноты», объяснял Кант, он «еще не мог здесь довести свое исследование... Вот почему я не воспользовался наименованием критики чистого практического разума, но озаглавил свою книгу “Основоположение к метафизике нравов”» [7. С. 53–55]. Кроме того, такая переработка требовала дополнительных размышлений и, конечно же, времени для их изложения, что отодвинуло бы издание давно лелеемой *метафизики нравов* на неопределенный срок. И все же работу над ней пришлось отложить.

Научная добросовестность не позволила Канту приступить к скорейшему изданию своей *доктрины*, не решив ряд вопросов, на которые, как он считал, обязана отвечать *критика чистого практического разума*. Он начинает переработку *Основоположения* в новый трактат под названием *Критика практического разума*, но не в качестве отдельной книги, а в виде составной части второго издания первой *Критики*, видимо для того, чтобы сгладить диспропорцию в освещении *теоретического* и *практического* видов познания. Но и этому плану не суждено было сбыться.

В ходе работы над новым трактатом у Канта возникает идея *Критики вкуса* – будущей *Критики способности суждения*, а вместе с ней и идея триптиха, со-

² «...Науку, которая пока только обсуждает чистый разум, его источники и границы, мы можем рассматривать как *пропедевтику* к системе чистого разума. Такая пропедевтика должна быть названа не *доктриной*, но *критикой чистого разума*» [5. С. 79, 39].

³ Уже за 8 лет до издания первой *Критики* Кант пишет Герцу: «С радостью думаю о том времени, когда закончу мою... критику чистого разума; тогда я перейду к метафизике, которая состоит только из двух частей: метафизики природы и метафизики нравственности; из этих двух я сначала опубликую последнюю, чему я радуюсь уже теперь» [18. С. 496].

стоящего из трех самостоятельных *Критик*⁴. Кант издает отдельной книгой вторую *Критику* и сразу же начинает работу над третьей, опубликованной в 1790 г. Предмет же его скромных честолюбивых устремлений – в подражание Х. Вольфу догматически изложить свою *метафизику* [5. С. 39] – воплотился лишь в трех небольших *началах*: *Метафизических началах естествознания*, *Метафизических началах права* и *Метафизических началах добродетели*. Два последних *Начала*, как мы знаем, объединились, хотя и не сразу, под общей обложкой с названием *Метафизика нравов* в 1797 г. Большую часть сил и творческой энергии забрала у Канта как раз *пропедевтика* к доктрине – трехчастная *критика чистого разума*.

Как в первой *Критике*, так и в двух последующих важнейшей темой был и оставался вопрос о сути теоретического и практического видов познания. Правда, от произведения к произведению взгляды Канта существенно уточнялись, а некоторые из них кардинально менялись. Можно даже сказать, что именно эти изменения во многом инициировали создание двух последних *Критик*. Не менялось только убеждение Канта, что предметы *практического познания* постигаются иначе, чем предметы познания *теоретического*. Но прежде, чем рассматривать воззрения Канта на специфику каждого из них, следует обратить внимание на термины *познание*, *практическое* и *теоретическое*.

В русском языке слово *познание* в единственном числе означает *приобретение знания*, во множественном же (*познания*) – совокупность *знаний*, а вовсе не деятельность по их добыванию⁵. Примерно так же обстоит дело с термином *Erkenntnisse* (*познания*) и в немецком языке. Однако и в единственном числе этот термин (*Erkenntnis*) нередко означает *знание*, т. е. результат познавательной деятельности⁶. Именно в таком значении Кант использовал это слово чаще всего: задуманная им *критика разума* не ставила перед собой цель воспроизвести движение мысли от незнания к знанию, подобно *пробуждающейся статуе* Кондильяка или будущей гегелевской *Логике*. *Критика разума*, подчеркивал он, не *органон*, а *канон*. Ее задача – не отыскание универсальной интеллектуальной отмычки ко всем тайнам бытия, как надеялись методологи XVII и более поздних веков, а выявление области применения каждой познавательной способности, чтобы предохраняться от заблуждений, причина которых, по Канту, коренится в попытках использования этих способностей за границами их компетенций [Там же. С. 7].

Но, бывает, Кант использует слово *Erkenntnis* и в значении *деятельности* по приобретению знаний. В большинстве случаев тот или другой смысл, которые он вкладывает в термин *познание*, очевидны и лишь иногда нуждаются в дополнительных разъяснениях. Так, не требует особых пояснений смысл этого термина в *Основоположении*, где говорится, что «из всего практического познания моральные законы вместе с их принципами... существенно отличаются от всего прочего, что только заключает в себе хоть что-нибудь эмпирическое...» [7. С. 47]. Здесь *практическое познание* – это, конечно же, совокупность *знаний*. В пояснении нуждается значение термина *практическое*. Он, как показывает данное высказывание, отнюдь не был у Канта синонимом *морального*, как было принято считать в советском (да и не только в советском) кантоведении. Ответа требует вопрос: что

⁴ Об истории возникновения *Основоположения* и *Критики практического разума* см.: [21. С. 7–13].

⁵ Именно в таком значении, например, используется это слово в русском каноническом переводе библейской книги Екклесиаста, где говорится, что тот, «кто умножает познания, умножает скорбь» [Еккл. 1, 18].

⁶ Н. В. Мотрошилова в своем комментарии-эссе полагает, что даже в тех случаях, когда у Канта слово *Erkenntnis* означает не познавательную деятельность, а ее результат, оно несет *процессуально-динамические* характеристики, часто неуловимые при переводе его на русский язык [22. С. 723].

еще кроме *моральных законов и принципов* входит, по Канту, в состав (или является результатом) *практического познания*?

Против отождествления кантовских терминов *моральное* и *практическое* еще в 1970-х настаивали знатоки и издатели кантовских текстов Г. Праусс (G. Prauss) и Н. Хинске (N. Hinske). Праусс во *Введении* в издаваемый им сборник, посвященный кантовской *теории познания и действия* (*Theorie von Erkennen und Handeln*), утверждал, что помимо теории *специфически-морального действия* Кант собирался создать еще и теорию *действующего в материальной действительности человека*, но не довел до конца *ее систематическую разработку* [26. С. 19]. Несколькими годами позже Н. Хинске писал, что во время работы над первой *Критикой* и в *Основоположении* Кант разграничивал три *самостоятельные формы практики*, в основании которых лежат *три основные формы действия*, различающиеся своими *правилами, целями и интересами* [25. С. 88].

В период интенсивной работы над первой *Критикой*, когда проблемы *практического познания* занимали Канта не меньше, чем проблемы познания *теоретического*, он в черновиках 1778–1780 гг. записывал: «Моральное принуждение всегда практично, но не всякое практическое принуждение морально» [11. С. 159]. Юридический латинизм *Necessitation* (*принуждение*) Кант в этот период использует для обозначения побудительных причин поступков, разделяя волю, иницирующую различные действия людей, на *чувственно-животную* (*brutum*), или *патологическую*, и на *разумно-свободную* (*liberum*), или *практическую*. Соответственно этому разделению «принуждение бывает либо патологическим, либо практическим» [Там же]⁷. Термин *практическое* оказывается если и не синонимом *разумного* и *свободного*, то их воплощением, их третьей ипостасью, поэтому *свобода* и *принуждение* здесь – отнюдь не антонимы. Кант понимает под *свободой* независимость наших действий от чувственных побуждений и, следовательно, их зависимость от *разума*: «Человек может принуждаться чувственностью действовать наперекор интеллектуальности, но он может принуждаться и интеллектуальностью действовать наперекор чувственности» [Там же. С. 158].

Практические (т. е. свободные и разумные) действия людей Кант подразделяет на *geschickte* (*искусные, умелые*), *kluge* (*умные, благоразумные*) и *weise* (*мудрые*). *Принуждения* к ним он называет *императивами*, а *искусность* (*Geschicklichkeit*), *благоразумие* (*Klugheit*) и *мудрость* (*Weisheit*) – *средствами познания*, которые он вовсе не противопоставляет *рассудку* как самостоятельные познавательные способности [Там же. С. 159]. Все три вида *практических принуждений*, по Канту, постигаются одной познавательной способностью – *рассудком*, который осмысляет свободные *поступки* людей через призму категорий *цель* и *средство*, совершенно непригодных, как мы знаем из *Критик*, для познания *предметов опыта*, осмысляемых через призму категорий *причина* и *действие*.

Студенты, слушавшие в те же годы (1775–1780) вводную лекцию Канта к курсу этики (далее – *Лекция*), записывали в свои конспекты его суждения о том, что *философия* бывает *теоретической* и *практической*, что в основании этого различия лежат разные *объекты*, что объект первой – это *познание*, а объект *практической философии* – *поведение*, точнее – *свободные действия и свободное поведение*, а еще точнее – *объективные правила свободного поведения*, каждое из которых *говорит, что должно произойти, хотя бы оно никогда не происходило* [24. С. 2–3]⁸. Далее давалась классификация *правил свободного поведения*⁹. «Практических

⁷ Трактовка *практического* как олицетворение разумной, а потому свободной воли (*arbitrium liberum*) и противопоставление ее патологической, *животной* воле (*arbitrium brutum*) сохраняется и в *Критике* [5. С. 1007].

⁸ В период работы над «Критикой чистого разума» Кант читал курс этики, структура и основные положения которого, по правилам того времени, определялись получившими признание рабо-

правил (*praktische Regeln*), которые говорят, что должно произойти, три рода: правила умения (*Geschicklichkeit*), правила благоразумия (*Klugheit*) и правила нравственности (*Sittlichkeit*)» [24. С. 4]. Здесь, как и в набросках к *Критике*, говорится о *трех родах императивов – императивах умения, благоразумия и нравственности*. Два последних называются также *прагматическими* и *моральными*¹⁰.

Правила искусства (умения), которые позже становятся *техническими императивами*, регулируют поведение человека с *вещами*, под которыми подразумеваются и геометрические фигуры, и неодушевленные предметы, и люди, когда они становятся объектом приложения, например, врачебного или отравительского умения¹¹. Одним и тем же русским словом *вещь* переводят два совершенно разных термина – *Sache* и *Ding*, которые и в немецком языке часто синонимы. Однако, когда речь идет о *вещи* как объекте права, употребляется термин *Sache*, который применим даже к человеку, если он, например, раб¹². Кант при обсуждении морально-правовых проблем никогда не использует термин *Ding* для обозначения *вещи*, но исключительно *Sache* как оппозицию юридическому латинизму *Person* (*лицо*), а иногда – производному от него немецкому слову *Personlichkeit* (*личность*).

Прагматические и *моральные* императивы диктуют правила поведения с *лицами*, а поэтому обязаны считаться с их собственными разумными целями. Кант видит в правилах умения *полезнейшее средство* для осуществления прагматических и моральных целей, но не включает их в состав *практической философии*: «Практическая философия содержит не правила умения, но правила благоразумия и нравственности. Она, таким образом, есть прагматическая и моральная философия: прагматическая в отношении правил благоразумия, а моральная – в отношении правил нравственности» [Там же. С. 5].

Кант оставляет *правила умения* за границами *практической философии* вовсе не потому, что видит в них некое подобие животных инстинктов, исключающих свободу выбора: следовать этим правилам или нет, а значит, не считает их *практическими* и *разумными*. Основанием для обособления *технических императивов* от двух других Кант называет в *Лекциях* их многочисленность и их *гипотетический* (условный) характер, их необязательность для всех и каждого, зависимость их использования от посторонних целей, далеких от собственной цели умельца – *искусного* исполнения замысла независимо от того, направляем ли он доброй или злой волей. Кант не включает в состав *практической философии* даже *антропологию*, хотя она также изучает поведение людей. И в пору чтения лекций по этике и в изданной в 1798 г. *Антропологии с прагматической точки зрения* он убежден, что ее предмет принадлежит *сфере практического*. «Наука правил, – говорится в *Лекциях*, – как должен вести себя человек, есть практическая философия, а наука правил действительного поведения есть антропология» [Там же. С. 3]. У Канта свои, не вполне ясные нашим современникам, критерии разделения *практических* знаний на те, которые достойны стать *практической философией*, и те,

тами А. Г. Баумгартена. Текст сведенных воедино студенческих конспектов вводной лекции, выражавшей собственные взгляды Канта, был опубликован Паулем Менцером в 1924 г. под названием *Лекция Канта по этике* (*Eine Vorlesung Kants über Ethik*) [24]. На русском языке этот курс, почти полностью восстановленный, опубликован под названием *Лекции по этике* [12. С. 38–223].

⁹ Термин *правило* предполагает меньшую обязательность, чем *принуждение*, и, видимо, по этому Кант все реже использует латинизм *Necessitation*, отдавая предпочтение немецкому *Regel*.

¹⁰ Кант был последним из великих мыслителей, кто серьезно относился к понятию *мудрость*, связывая его определение с *моральностью*, которая «и есть истинная мудрость» [11. С. 207].

¹¹ Греческое слово *τέχνη*, собственно, и означает *искусство* как *умение*, когда мы говорим, например, об *искусстве* столяра и *технике* пианиста, футболиста, живописца.

¹² «Существа... если они не наделены разумом, называются... *вещами* (*Sachen*), тогда как разумные существа называются *лицами* (*Personen*)...» – писал Кант [7. С. 167].

которым доступ туда закрыт. Правда, со временем эти критерии были существенно скорректированы Кантом.

В отличие от *правил умения прагматические императивы*, говорится в *Лекциях*, подчинены одной единственной цели – достижению *счастья*. Ее наряду с целью *императивов нравственности* Кант в *Лекциях* называет *предзаданной целью* (*aufgegebene Zweck*), т. е. такой, от стремления к которой не может отказаться ни один человек. Он даже склоняется к тому, чтобы считать прагматические императивы *категорическими*¹³. Но уже в *Основоположении*, а затем и во второй *Критике* они оказываются, вместе с *техническими*, в одной рубрике *гипотетических императивов*, поскольку *благоразумие* – это тоже своеобразная «искусность человека, оказывая влияние на других, употребить их для своих целей», а также *проницательность*, «позволяющая объединить все эти цели для собственной длительной выгоды» [7. С. 126]. Цель этих, по сути, *правил управленческой деятельности*, даже когда ее цель – *всеобщее счастье* [Там же. С. 361], весьма неприглядна с позиции той формулировки *морального императива*, которая запрещает относиться к *лицу только как к средству*.

Однако ни в первой *Критике*, где Кант уже критикует эвдемонизм, ни в *Основоположении*, где эта критика усиливается, ни даже во второй *Критике* не говорится об исключении из *практической философии* прагматических императивов так же решительно, как это было сделано в *Лекциях* относительно *императивов искусности*. Кант все же сохраняет иерархию *правил умения*, на верхней ступени которой особняком стоят *императивы благоразумия*, которым он уделяет гораздо больше внимания, чем всем остальным. Трудно идти наперекор тысячелетней традиции, в согласии с которой понимание *счастья* и путей его достижения – главный мотив нравственных поступков. Однако в первой *Критике*, а затем в *Основоположении* и в *Критике практического разума* эти *императивы* становятся не столько *велениями*, сколько *советами* (*Räte*), ни к чему не обязывающими *рекомендациями* (*Ratschläge*) [5. С. 1013]. В первой *Критике* Кант находит способ устранить противоречие *нравственности* и *счастья* с помощью дефиниции *высшего блага*, предполагающей формулу *достоинства быть счастливым* [Там же], воспроизводившуюся и других работах. Однако Кант, видимо, еще какое-то время колебался относительно состава *практической философии* и возможности включения в него *прагматической философии*. Вероятно, эти колебания были одной из причин 12-летнего срока, отделяющего издание *Основоположения метафизики нравов* от *Метафизики нравов*.

Окончательно Кант расстаётся с эвдемонизмом только в *Критике способности суждения*. Ко времени окончания работы над третьей *Критикой* он уже знал, что в его *практической философии* не останется места для *прагматической философии* с ее *императивами*. Благоразумие окончательно переведено в разряд *бесчисленных умений* как «умение оказывать влияние на людей и на их волю» [8. С. 81]. А *правила искусства* (*Kunst*) и *искусности* (*Geschicklichkeit*), включая *умения художников и правителей*, «не могут претендовать на какое-либо место в особой философии, которую именуют практической» [Там же. С. 83]. Не войдет в нее и *моральная антропология* (еще один несбывшийся проект Канта), которая наряду с *метафизикой нравов* могла бы стать «другим членом... практической философии» [10. С. 124]. Кант здесь дает правилам умения имя *технически-практических* и утверждает, что все они, как *короллары* (побочные, необязательные следствия) из *естествознания*, принадлежат *теоретической философии*. В отличие от них *морально-практические* предписания – теперь уже единственный достойный

¹³ «Всеобщие прагматические императивы, – цитирует Хинске одну из записных книжек Канта, – также являются категорическими (categorisch)... они являются положениями, которые... говорят о том, что хочет каждый ...» [25. С. 109].

предмет *практической философии* [8. С. 81–85]. В ее состав войдут лишь *учение о добродетели* и *учение о праве* – совершенно новая, еще только становящаяся дисциплина, для которой Густав Гуго, последователь и оппонент Канта, только что придумал имя «философия права»¹⁴.

Означает ли ограничение Кантом предметной области *практической философии*, будто он перестает считать *практическими* остальные правила поведения? Разумеется, нет: раз он не лишает их имени *практические* и, значит, убежден, что они рождены *разумом*, а следование им считает *разумным* и *свободным*, а не инстинктивно безрассудным. Для выявления значений, которые Кант вкладывает в термин *практическое*, не так уж важно знать мотивы, побуждавшие его не включать *технически-практические императивы* в предмет *практической философии*. В число этих мотивов, конечно же, входят и общепринятые в немецком Просвещении представления о предметной области *philosophia practica*, и неугасающее восхищение безусловностью морального императива, отличающей его от других правил поведения, и своеобразная трактовка слова *философия*, которое на рубеже XVIII–XIX вв., благодаря в том числе и Канту, наполнялось новыми значениями¹⁵. Важно то, что представления Канта о *практике* и *практическом* не исчерпываются высказываниями, содержащимися в *Метафизике нравов*.

Так, Кант в работе 1793 года *О поговорке «Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики»* (далее – *О поговорке*), обосновывая исключительность *морального императива* среди всех остальных, называет *теорией* совокупность *практических правил*, пусть даже они обладают *некоторой всеобщностью* и мыслятся *отвлеченно от множества условий, которые, однако, необходимо имеют влияние на их применение* [4. С. 241]. Здесь же дается его единственная дефиниция *практики*¹⁶. «Практикой, – пишет Кант, – называется не всякое действие, а лишь такое осуществление цели, которое мыслится как следование определенным, представленным в общем виде, принципам поведения» [Там же]. Как видим, Кант дает чрезвычайно широкое определение, призванное подчеркнуть отличие *практики* от спонтанных, не направляемых и не контролируемых разумом действий. Далее он рассуждает об отношении теории не только к *практике* в морали, в государственном и международном праве, но и о значении теории для *практики* врача, агронома, финансиста, артиллериста, имея в виду не морально-правовую, а именно профессиональную сторону деятельности этих специалистов. Но вопрос даже не в том, включал ли поздний Кант в понятие *практика* действия, направляемые *правилами умения* и *благоразумия*, или нет. Вопрос в том, почему некоторые, несомненно *практические*, предписания следует, по его же убеждению, называть *теорией*? Что он понимал под *теорией* и *теоретическим познанием*, противопоставление которому познания *практического* положило начало многотрудной и многотомной *пропедевтике* к собственной *доктрине*?

Кантовскому термину *теоретическое познание* «повезло» не многим больше, чем словосочетанию *практическое познание*. Если второе не привлекало внимания исследователей из-за того, что Кант почти не писал о нем, то первый – из-за его почти обыденной повседневности. Слово *теория* и производные от него тер-

¹⁴ Впервые в печати термин *философия права*, никогда не употреблявшийся Кантом, встречается в изданной в 1797 г. книге Г. Гуго *Lehrbuch des Naturrecht als einer Philosophie des positive Rechts, besonders des private Rechts*.

¹⁵ Нам теперь трудно понять, почему Ньютон свою физику называл *натуральной философией*, Линней классификацию растений – *философией ботаники*, Вольтер свое сугубо историческое сочинение – *философией истории*, а Ламарк зоологию – *философией зоологии*. Об этом периоде в истории слова философия см.: [19].

¹⁶ Примечательно, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин вообще не дали определения важнейшему, как считалось, для них понятию *практика*, оставив своих начетчиков без соответствующих цитат.

мины стали настолько привычными, что специальное разъяснение их значений в кантовской философии представляется совершенно излишним. Однако за прошедшие два века способы употребления этих терминов существенно изменились, и теперь, читая тексты Канта, мы невольно связываем их использование с решением тех проблем, которые тот вовсе не ставил, и не замечаем тех, которые его действительно волновали и не перестали быть значимыми для нас.

В наши дни под влиянием *философии науки* (в основном англоязычной) круг возможных значений слова *теоретическое* задается, как правило, противопоставлением его слову *эмпирическое*, которое, в свою очередь, начиная с XVII в., уже традиционно используется как антоним термину *рациональное*. Оппозиции *теоретическое–эмпирическое* и *эмпирическое–рациональное* при описании познавательных процессов и языка науки, действуя совместно и одновременно, навязывают сознанию наших современников едва ли не полную синонимичность слов *теоретическое* и *рациональное*. Определение *теоретического* как того, что не является *эмпирическим* и является, следовательно, *рациональным*, кажется теперь настолько естественным и само собой разумеющимся, что классификация наук Х. Вольфа, ставшая основой учебных планов немецких университетов XVIII в., представляется каким-то странным недоразумением, наивным недоумением века Просвещения. В этой классификации оказалась возможной рубрика *эмпирические теоретические науки*¹⁷. В оправдание Вольфа и его современников следует сказать: они даже не подозревали, что могут существовать основания для противопоставления *эмпирических* знаний *теоретическим*. Они, следуя идущей от Аристотеля традиции, разделяли все знания, во-первых, по их *предметам* – на *теоретические* и *практические*. А во-вторых, следуя веяниям своего времени, они в дополнение к членению знаний *по предметам* добавляли еще и разделение их *по способам* (источникам) их приобретения – на *эмпирические* и *рациональные*.

Считалось, что предметами *теоретических* знаний являются объекты, возникновение, способ существования и изменения которых не зависят от чьего-либо произвола. О них, по выражению Аристотеля, *мы не принимаем решений*¹⁸. Неизменностью таких объектов, постоянством регулярных изменений в некоторых из них, недоступностью или сознательным воздержанием от произвольного вмешательства в их жизнь объяснялась возможность достижения истинного знания, а также то, почему единственно возможный способ поведения с ними (например, с *космосом*) – это *θεωρία* (буквально – *созерцание, наблюдение*) с помощью *чувств* либо *ума*. Древние эллины, начиная с Фалеса, в своем большинстве оценивали достоверность результатов *умозрения* выше итогов чувственного созерцания, полагая, что последнее из-за его тесной связи со страстью (*παθος*) способно дать лишь изменчивые *мнения* (*δόξα*)¹⁹. Однако и чувственное *созерцание* для них – это все та же *θεωρία*. Х. Вольф исходил из традиционного перипатетического по-

¹⁷ На русском языке об этой классификации наук см.: Фишер К. История новой философии: Готфрид Вильгельм Лейбниц. – М., 2005. – С. 620–631; Майоров Г. Г. Вольф // Философский энциклопедический словарь. – М., 1983.

¹⁸ Такие объекты, считал Аристотель, *существуют с необходимостью*, не могут быть *такими и иными*, о них *мы не принимаем решения* [I. 1139 а 20–23]. «Никто, – поясняет Аристотель, – не принимает решения о вечном, скажем о космосе или о несоизмеримости диаметра и стороны квадрата, а также и о том, что, изменяясь, изменяется всегда одинаково... (как, например, солнцевороты или восходы)» [Там же. 1112 а 22–23].

¹⁹ Европейская наука началась с того, что Фалес усомнился в достоверности чувственных восприятий, говорящих нам о камнях, деревьях, воздухе, огне, тогда как на самом деле *все есть вода*. Демокрит же, по легенде, даже выколол себе глаза, чтобы эмоции, пронизывающие чувственное созерцание, не могли повлиять на бесстрастное умозерцание недоступных изменению *атомов*, о которых только и возможно достоверное, исключительное всякое сомнение знание – *ἐπιστήμη* (слово, чаще всего переводимое на русский язык как *наука*).

нимания слова *теория*, И именно поэтому его классификация легко допускает существование *рациональных теоретических* (т. е. *умозрительных*) наук – естественной (рациональной) теологии²⁰, рациональной космологии, рациональной психологии с *эмпирическими теоретическими* науками – эмпирической психологией, телеологией и догматической физикой²¹. Предметами *практических наук* Вольф и его современники считали такие объекты, в возникновении, изменении и уничтожении которых человеческий произвол и направляемые им поступки имеют определяющее значение. О них, по Аристотелю, *мы принимаем решения* [1. 112a–113a]. Такие зависимые от людских решений объекты изучают, по Вольфу, *рациональные практические науки – этика, политика, экономика*, а также *эмпирические практические науки – технология (ремесло) и экспериментальная физика*.

Кант создал свою классификацию источников и способов познания, изменяя значения многих традиционных терминов и изобретая новые. Но и для него немислимым было противопоставление *теоретического* познания *эмпирическому* и отождествление на этом основании слов *теоретическое* и *рациональное*. Скорее, наоборот. В его *критических* работах термин *теоретическое* характеризует познание исключительно *предметов опыта*, обязательным составляющим которого, по убеждению Канта, оказывается чувственное *созерцание*. И если бы не ограничения, которые накладывает различие Кантом *чистого* и *эмпирического* созерцаний, то *теоретическими* оказываются у него исключительно *эмпирические науки*.

«...Мы можем ссылаться только на две науки теоретического познания, – читаем в *Пролегоменах*, – а именно на *чистую математику* и *чистое естествознание*; ибо только они могут показать нам предметы в созерцании, когда в них имеет место априорное познание...» [9. С. 33]. Разумеется, Кант имел в виду чувственное созерцание. *Умосозерцание (интеллектуальная интуиция)* в *Критиках* исключается из числа *человеческих* познавательных способностей, которые лежат в основании теоретического познания. Учение об *интеллектуальном созерцании*, иронизирует он, «вытекает из желания... созерцать вещи, не пользуясь чувствами... из желания обладать возможностями познания, совершенно отличающимися от человеческих способностей... из желания быть не людьми, а какими-то существами, о которых мы не можем даже сказать, возможны ли они, и еще менее сказать о том, каковы они» [5. С. 437].

Кант докритический много лет читал курс *метафизики*, который в обязательном порядке включал в себя *рациональную теологию* и *рациональную психологию*, обсуждавшие среди прочего и *возможности познания, совершенно отличающиеся от человеческих*. Эти дисциплины совместно с *рациональной космологией* обязаны были доказывать истинность *краеугольных камней* морали и религии [Там же. С. 621]. Он излагал в лекциях положения *рациональных теоретических наук* в наилучшей, как ему представлялось, дидактической последовательности, систематизируя их и одновременно критически исследуя в ряде работ 1746–1770 гг. предпосылки, на которые они опираются²².

²⁰ После Фомы Аквинского традиционным стало различие двух *теологий*. Первая – *sacra doctrina* – аналог русского *догматического богословия*, исключая даже намек на сомнение в истинности излагаемых ею положений, полученных, как считается, благодаря сверхъестественному откровению. Вторая – *рациональная, или естественная, теология*, получающая свои результаты с помощью *естественного разума (ratio naturalis)*, вынужденного из-за его несовершенства сомневаться в собственных умозаключениях, а потому обязанного доказывать их безупречность.

²¹ Одна из главных проблем телеологии того времени – целесообразное строение живых организмов. Догматическая физика – это изложение, по выбору лектора, одной из существующих физических доктрин. Кант, заметим, одним из первых на континенте читал курс физики по Ньютону.

²² См., напр., обоснование Кантом последовательности изложения им метафизических дисциплин в *Уведомлении о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г.* [17. С. 191–202].

Важнейшие выводы этих *докритических* исследований таковы. Логически безупречное доказательство *возможности* существования чего-либо не есть доказательство его *действительного* существования. Действительное существование, по Канту, устанавливается с помощью чувственного восприятия важнейших пространственно-временных характеристик предмета, соответствующих уже имеющемуся его понятию [14. С. 393].

Бестелесные, по определению, *бог* и *душа* недоступны чувственному созерцанию, следовательно, любые суждения об их существовании и их свойствах доказать принципиально невозможно. В схоластике, следовавшей перипатетической традиции, в соответствии с которой существующим считалось лишь то, что занимает или занимало *место*, для бестелесных бога и души было создано понятие *виртуальное существование* – существование без *места*, т. е. без пространственных характеристик и координат. Докритический Кант разъяснял читателям и слушателям своих лекций по *рациональной теологии* и *психологии*, как могут существовать, познавать и воздействовать на телесный мир бестелесные виртуальные сущности, но признавал, однако, невозможность бесспорного доказательства их существования [16].

Канта не очень-то огорчила выявленная им принципиальная недоказуемость главного тезиса *рациональной теологии*: «Безусловно, необходимо убедиться в бытии бога, но вовсе не необходимо в такой же мере доказывать это» [14. С. 498]. Со времен христианской апологетики было известно о разных путях, какими идут к своим убеждениям *вера* и *разум*. Гораздо больше Канта беспокоила, как он тогда считал, зависимость от доказательства существования бога важнейшего для *рациональной психологии* тезиса о *свободе* человеческой души и ее ответственности за принимаемые ею решения. Но еще больше проблема *свободы воли* начинает волновать его в связи со сложившимся в XVII–XVIII вв. пониманием *природы*, из которой наука Нового времени изгнала *целевые* и *формальные* причины, оставив ей под влиянием крепнущего механицизма единственно лишь *действующие* и *материальные*²³.

Кант разделял историко-научную концепцию своего времени, согласно которой новое *естествознание*²⁴ своими успехами в познании природы обязано ограничением его предметной области лишь тем, что встречается в *опыте*, и отказу от

²³ Примечательно, что, по Аристотелю, *φύσις* (природа) – это не *мир в целом*, не *космос*, а одна из целевых причин (см.: [2. 194 а 25–30; 198 b 9–11; 200 b 10–16]), *естество*, определяющее для каждого класса вещей особый способ *естественного* (ненасильственного) движения к их *естественным местам*, где они могли бы прекратить движение, достигнув своей *конечной цели* – уподобиться ни в чем не нуждающемуся и потому неподвижному богу. Для *земли* и *воды* – это прямолинейное движение к центру *космоса*; для *огня* – к его периферии; для *воздуха* – естественен *покой*. Однако он постоянно нарушается перемещениями других стихий *подлунного мира*, которые вызываются их нагреванием и охлаждением из-за суточных и годовых циклов, обусловленных перемещениями светил, стремящихся, как и всё в этом мире, к *покою*, но вынужденных своей *природой* к нескончаемому круговому движению, *естественному* для них. Различение в Античности и Средневековье нескольких *естественных* движений делало обычными рассуждения о *природах* вещей. Слово *natura* в значении «мироздание», «материальное целое» и преимущественно в единственном числе первым стал употреблять только Декарт, который уничтожил своей аналитической геометрией непреодолимую прежде пропасть между прямой линией и кривой, а вместе с ней и противоположность между *природами* земных и небесных тел. *Природа* всех вещей стала теперь одинаковой, а единственным *естественным* движением – равномерное прямолинейное; любое же криволинейное, включая круговое, стало *насильственным* [3. С. 199, 204–205].

²⁴ В *Критиках* Кант использует недавно сконструированный неологизм *естествознание* (die Naturwissenschaft) для обозначения нового математизированного знания о *природе* в противоположность этимологически равной ему *физике* (die Physik) как древнейшей *философской* дисциплине о *природе*, понятия которой лишены математической составляющей. *Метафизика природы*, которую он мечтал написать, и есть эта философская *физика*, обновленная с помощью *критики разума* [5. С. 1059].

поисков не встречающихся в опыте *конечных* (целевых) причин, поисков, которые он уже в докритический период иронически называет *физикотеологией* [14. С. 448–450]. Но Кант не мог примириться и с достаточно влиятельной тогда трактовкой человека как части природы, поступки которого определяются только *материальными* причинами, *действующими* по ее неумолимым законам, а не его волей, свободно выбирающей цели и добывающей их осуществления. Именно так объясняли поведение людей авторитетные в XVIII в. представители британского *Свободомыслия*, французского *Просвещения* и немецкой *Популярной философии*, которые, признавая *свободу* человека как возможность поступать в соответствии со своими *желаниями*, отрицали *свободу* его *воли*. Человек, полагали они вслед за Спинозой, *не волен* в самом главном – в выборе собственных *желаний*, так как они являются вытесняющими друг друга *аффектами*, сила и характер которых обусловлена воздействием материальных причин, преломляющихся через призму его телесной организации. Еще раньше, ссылаясь на божественное предопределение, отрицал свободу воли Лютер.

Кант – протестант и ученый – какое-то время мирился с героическим фатализмом лютеранской теологии и материалистического естествознания. Кант – преподаватель этики и исследователь права – отлично знал, что несвободному человеку, поступающему не по своей воле, а, например, оказавшемуся во власти аффектов, нельзя вменять в вину его поступки: он, неменяемый, юридически и морально неподсуден. Кант-моралист (а не только знаток и преподаватель этических доктрин) не мог согласиться с тем, что человек способен лишь констатировать происходящее с ним, подобно *мыслящему тростнику* Паскаля, но не может свободно проектировать будущее, осуществлять его и, как разумное и, следовательно, вменяемое *лицо*, нести ответственность за свои замыслы и порожденные ими действия. Однако опровергнуть комплекс идей и представлений об обреченности человеческой воли на несвободу оказалось делом отнюдь не простым. Оппозиция *природа–свобода* на долгие годы становится важнейшим предметом размышлений Канта, одним из результатов которых стало исключение *рациональных теологии, психологии и космологии* из числа *наук теоретического познания*. Рациональными остаются у Канта лишь *спекулятивное познание* и *практическое*, предмет которого – *свободное поведение* и его *правила*. Единственным же объектом теоретического познания Кант называет *природу*²⁵. «Вся наша способность познания обнимает собой две области – область понятий природы и область понятия свободы... Законодательство через понятие природы осуществляется рассудком, и оно теоретическое. Законодательство через понятие свободы осуществляется разумом, и оно чисто практическое» [8. С. 87].

Природа для Канта – это не реально существующая *среда обитания*, легко поддающаяся изменениям и потому ранимая, с точки зрения современного экологического сознания. Наоборот, *природа*, с точки зрения Канта, – это совокупность достаточно разных *понятий разума*, или *идей*, которые обозначаются одним и тем же словом только лишь потому, что каждое из них по-своему противостоит *свободе*, исключая малейшую возможность произвольного изменения объектов²⁶.

²⁵ «...За пределами определений природы нет никакой теории», – резюмирует он в *Метафизике нравов* то, о чем он говорил в предшествующих *критических* работах [10. С. 125].

²⁶ Кант вводит различие *понятий рассудка* и *понятий разума*. Первые обязательно включают в себя чувственные характеристики познаваемого предмета (например, характерный блеск в понятии *металл*), поскольку *рассудок* не автономен: «Наш *рассудок* и наша *чувственность* могут определять предметы *только в связи друг с другом*» [5. С. 413]. *Разум* же автономен, т. е. в своей деятельности независим от чувственности и рассудка, и его понятия – это *идеи*, объекты которых никогда не встречаются в опыте, даже в *возможном опыте*: «Под идеями я разумею такое необходимое понятие разума, для которого в чувствах не может быть дан никакой адекватный предмет» [Там же. С. 493].

Слово *природа* чаще всего используется Кантом как метафора, как символ непреодолимости.

Первое из этих *понятий разума* – перипатетическая идея *природы* как *естества*, как неизменной *сущности*, определяющей способ *естественного* (ненадлежащего) движения того или иного класса вещей, включая их самостоятельное возникновение, изменение и уничтожение. Кант называет такое понимание природы *формальным* (adjective, или formaliter). Оно подразумевается, когда «мы говорим о природе жидкой материи, огня и т. п.» [5. С. 565]. Второе понятие он называет *содержательным* (substantive, или materialiter). Слово *природа* в этом случае *означает совокупность явлений*, находящихся во взаимной *всепроникающей связи*. Такой смысл подразумевается, когда *говорят о вещах природы*, имея в виду *некоторое существующее целое* [Там же].

Понятие природы как *существующего целого* в свою очередь состоит, по Канту, из двух понятий: понятия *математического целого*, обозначаемого чаще всего термином *мир*, и понятия *динамического целого*, которое чаще всего и обозначают термином *природа*. Термин *природа*, считает Кант, почти *совпадает* своими значениями со словом *мир* [Там же. С. 563–565]. Три понятия природы – *формальное*, *математическое целое* и *динамическое целое* – это, по Канту, три ипостаси одной и той же идеи *безусловной необходимости явлений*, которую *можно назвать природной необходимостью* [Там же. С. 565]. Идеи недоступны чувственному созерцанию, а потому могут быть предметом не теоретического, но только лишь *спекулятивного* квазипознания, выводы которого никогда не способны стать *всеобщими и необходимыми*. «...Абсолютное целое всех явлений есть *только идея*, так как мы никогда не можем представить это целое в образе, и потому оно остается *проблемой* без всякого разрешения»²⁷.

Латинское слово *speculatio* – этот аналог греческой *θεωρία* – первоначально означал и у римлян чувственное *созерцание*, *наблюдение*. Даже производное от него слово *speculator* имел сходные с греческим *теоретиком* значения – *наблюдатель*, *разведчик*, *вестовой*. Поздняя схоластика странным образом превратила *speculatio* в *умозрение*, отличая его от *интуиции* (*intuitio*), под которой до Декарта понималось исключительно чувственное *созерцание*. Кант возрождает полузабытый схоластический термин *спекуляция* для обозначения бесплодных попыток познавать недоступные чувственному созерцанию *идеи* так, как это делают со своими *предметами опыта* математика и естествознание. Математическая и динамическая антиномии – неизбежный результат такого квазитеоретического, а по Канту, *спекулятивного употребления разума* для познания *мира в целом* – этого недоступного чувственному созерцанию, следовательно, выходящего за пределы всякого возможного опыта предмета *рациональной космологии*²⁸.

Кант использует еще одно словосочетание для обозначения *содержательного* (materialiter) понятия *природы*, сходное с термином *динамическое целое*, но имеющее очень важную специфику. Это словосочетание – *совокупность предметов*

²⁷ И в самом деле. Бесконечны споры о том, замкнута ли Вселенная, как доказывал еще Аристотель и доказывает теория пульсирующей Вселенной, или она безгранична, как говорил Демокрит и допускает современная *плюралистическая космология*; имеет ли она начало во времени, или время, как считал Августин и считает ныне теория *Большого взрыва*, начинается с момента ее возникновения. Ответы на эти и подобные им вопросы всегда будут *проблематичными*, по Канту, а по Платону – *правдоподобными мифами*.

²⁸ Кант использует термин *спекулятивное познание* не только в смысле пустого *умствования*, но и в значении *теоретического познание*, когда он говорит о проектируемой им *метафизике природы*. В этой новой, объединенной с критикой разума *системе метафизики* сохранятся, по его плану, все прежние рациональные дисциплины. Правда, их умозаключения никогда не достигнут неопровержимости суждений математики и естествознания, и они лишатся претензии *быть фундаментом религии*» [5. С. 1053, 1063].

опыта [5. С. 21]. Оно, как и три первых, обозначает *идею*, которая пусть не прямо, но все же соотносится с эмпирическим объектом *теоретического познания*²⁹. Однако не *природу в целом*, пусть даже она *мыслится* как совокупность *предметов опыта*, изучают математика и естествознание. *Мыслить*, как писал Кант, можно все, *что угодно, если только я не противоречу самому себе* [Там же. С. 29]. Но не все, *мыслимое* без противоречий (например, логически возможные миры), доступно наукам *теоретического познания*, объекты которого должны быть чувственно созерцаемыми. Таким объектом, по Канту, не может быть по-разному мыслимая платониками, перипатетиками, картезианцами и лейбнизианцами необъятная и потому недоступная чувственному созерцанию *совокупность* предметов опыта, но лишь сами *предметы опыта*. Только они могут быть предметами *теоретического познания*, поскольку они чувственно созерцаемы, предстают перед нами помимо наших желаний и не могут менять свои существенные характеристики в угоду чьему-либо произволу, пусть даже божественному³⁰.

Как известно, Кант считал самостоятельное *явление* нам этих предметов не таким уж самостоятельным, а независимые от нашего произвола сущностные их свойства все-таки зависимыми от наших познавательных способностей. Эту независимую зависимость от нас предметов теоретического познания Кант объясняет с помощью различения понятий *явление* и *вещь в себе* (Dinge an sich), а также *предметы опыта* и неясных, но, тем не менее, реально существующих *вещей вне нас* (Ding außer uns) [Там же. С. 43]³¹. Именно *вещи вне нас*, по Канту, обнаруживают свое существование, а точнее, присутствие (Dasein), *являясь* нам преломленными через призму априорных начал *чувственности* и *рассудка* в качестве *предметов опыта*³². Именно эти *предметы*, а не *вещи вне нас* подчиняются закону

²⁹ *Идея* природы как *совокупности предметов опыта* есть, по Канту, результат *умозаключений* разума о «понятиях рассудка» (*категориях*), которые «составляют интеллектуальную форму всякого опыта» [5. С. 475].

³⁰ «*Объяснять* способы устройства природы или их изменение, прибегая для этого к помощи Бога как первооснователя всех вещей – это, по меньшей мере, не физическое объяснение; это... означает признание в том, что с философией здесь покончено, так как, для того чтобы составить себе понятие о возможности того, что мы видим собственными глазами, приходится допустить нечто такое, о чем вообще не имеют никакого понятия» [7. С. 667].

³¹ Термин Ding außer uns (иногда außer mir) – почти синоним словосочетания Ding an sich. Последнее, как доказал Г. Праусс, есть редуцированная форма развернутого кантовского термина Ding an sich selbst betrachtet (*вещь, рассмотренная сама по себе*), который подчеркивает невозможность для людей рассматривать вещь такой, какой ее мог бы видеть бог, не связанный пространственно-временными ограничениями человеческого восприятия (см.: [27]). Ding an sich может обозначать у Канта и ту *вещь*, которая, находится *вне нас* (außer uns), и ту, которая *внутри нас*, т. е. *душу*, какой ее мыслила *рациональная психология* его времени.

³² В *Предисловии* ко 2-му изданию *Критики чистого разума* Кант называет *скандалом для философии* необходимость доказывать реальное существование именно *вещей вне нас* (Dinge außer uns), от которых *мы получаем весь материал для познаний* [5. С. 43]. Говоря об их *существовании*, он подчеркнуто не использует латинизм *Existenz*, тесно связанный схоластикой с понятием *место*, имеющим, по Аристотелю, как и занимающая его вещь, три пространственных измерения – *длину, ширину и глубину*. Не использует он и немецкое слово Sein – субстантивированный глагол sein (быть), как и всякий глагол, имеющий три измерения времени – *прошлое, настоящее и будущее*. «Слово “*есть*”, – читаем в набросках к *Критике чистого разума*, – может использоваться нами не иначе как темпоральное слово. “Бог *есть*”, в отличие от “будет”» [11. С. 31]. Пространственные и временные характеристики, по Канту, применимы лишь к *предметам опыта*, к *явлениям*, но никак не к несозерцаемым *вещам вне нас*, о которых нельзя сказать, например, далеко ли они отстоят от нас в пространстве и времени, велики ли они или нет, круглые ли они или еще какие-то иные. Поэтому, говоря об их *существовании*, а также о *существовании Бога*, он использует не предполагающий точных пространственно-временных характеристик термин Dasein, трудно переводимый на другие языки. В повседневном и деловом русском языке ближайшие аналоги Dasein – это наличие, присутствие. Иначе в языке философском: когда Dasein встречается, например, в текстах Гегеля, то его, как правило, переводят на русский язык термином *наличное бытие*, а в текстах

каузальности – важнейшему закону *рассудка*, требующего разграничивать все явления на предшествующие во времени *причины* и вызываемые ими с необходимостью последующие *действия*³³. Именно *предметами опыта* ограничивается, по Канту, «все, что мы можем *познать* теоретически» [5. С. 33].

Неоспоримость, *всеобщность* и *необходимость* теоретических выводов вовсе не свидетельствуют том, что они соответствуют реально существующим *вне нас* и потому независимым от наших *решений* объектам. *Всеобщность* и *необходимость* суждений математики и естествознания на самом деле есть, по Канту, свидетельство их *необходимой общезначимости* [9. С. 56], которая достижима лишь при условии одинакового для всех людей устройства *чувственности* и *рассудка* – этих двух *теоретических источников познания* [5. С. 29].

И действительно, мы считаем неоспоримо доказанными и, следовательно, истинными лишь такие выводы о *законах природы*, которые были получены их первооткрывателями путем рассуждений (а как еще иначе?) по законам мышления, которые мы признаем обязательными для себя и любого здравомыслящего человека. Именно поэтому отсутствие противоречий в суждениях о *предметах опыта* способно превращать сомнительные, а иногда и нелепые на первый взгляд, положения в личные убеждения каждого, если тот предпримет совершенно свободное и обязательно критическое рассмотрение его построений. Тем самым неподвластные нашей воле *основоположения рассудка*, в соответствии с которыми выводятся и доказываются теоретические положения, и есть, по Канту, *подлинны законы природы*³⁴.

Исследование причин *необходимой общезначимости* суждений *теоретического познания*, которое заняло большую часть первой *Критики*, не было для Канта самоцелью, но выполняло хотя и очень важную, но все же вспомогательную функцию. Главное его предназначение – *спасение свободы*, с помощью опровержения *общераспространенного, но неправильного предположения об абсолютной реальности явлений* и доказательство тем самым того, что *природа*, что бы под этим словом ни подразумевалось, – это одна из *идей* нашего собственного разума, которая требует рассматривать действия вещей и людей *теоретически*, а значит, зависимыми исключительно от *материальных действующих причин*, совершенно исключая возможность свободного целесообразного поведения³⁵. Но у *разума* идея *природы*, *исключающая свободу воли*, не единственная. Разум, который, по

Хайдеггера – калькой тут-бытие. Видимо, для Канта местоимение *da* (тут) снимало темпоральность *Sein*.

³³ Кант осуществил серьезную ревизию перипатетических категорий, исключив, в частности, из их числа форму и материю, а из числа причин – целевые, формальные и материальные, оставив только действующие (*wirken-den*), которые он чаще всего называет просто причинами, подчеркивая тем самым, что они теперь не нуждаются в каких-либо уточняющих определениях. Прежние же целевые причины – он называет просто целями.

³⁴ См.: Прологомены. § 36–38. Кант не знал (да он и не считал подобное знание важным), что термин «закон природы» впервые был введен в оборот только Декартом в Первоначалах философии (1644 г.). «Из того, что Бог не подвержен изменениям и постоянно действует одинаковым образом, мы можем... вывести некоторые правила, которые я называю законами природы...» [3. С. 368]. В XVIII веке словосочетание «закон природы» стало настолько привычным, что никого уже, включая Канта, много писавшего об отличиях законов природы от законов морали и права, не смущала невозможная когда-то конъюнкция искусственного и естественного – создаваемого людьми закона и независимой от чьего-либо произвола природы.

³⁵ «В самом деле, если явления суть вещи сами по себе, то свободу нельзя спасти. Природа в таком случае составляет полную и ... определяющую причину каждого события, а условие события всегда содержится только в ряду явлений, которые вместе с действием необходимо подчинены закону природы. Если же, напротив, считать явления лишь тем, что они суть на самом деле, а именно не вещами самими по себе, а только представлениями, связанными друг с другом по эмпирическим законам, то они сами должны иметь еще основания, не относящиеся к числу явлений» [5. С. 701].

Канту, *автономен*, т. е. независим от чувственности и рассудка, является *автором* и других *идей*, которые с не меньшей требовательностью, чем идея *природы*, диктуют нам контуры мира, где человеческое поведение свободно, т. е. определяется разумными *целями* и найденными самим разумом *средствами* их достижения, а не принуждением к поступкам природными неизбежностями.

О нашей практической свободе, по Канту, говорит наш повседневный опыт, который свидетельствует (и тем самым доказывает) наличие у нас способности преодолевать чем-то заманчивые, но вредные, с точки зрения разума, желания³⁶. А в морально-правовой сфере *свобода* даже не нуждается в доказательстве, она, по Канту, неоспоримый *факт*, нечто само собой разумеющееся [7. С. 287]. Дополним аргументы Канта: люди даже вынуждены доказывать отсутствие *свободы*, когда они пытаются оправдать свои или чужие неблагоприятные или преступные действия ссылками на обстоятельства, делающие эти действия неизбежными³⁷.

В свое время Кант удивился тому, что мы, ничуть не сомневаясь в собственной правоте, истолковываем один и тот же поступок то как результат предшествующих причин, делающих этот поступок неизбежным, а потому неподсудным ни юридически, ни морально, то как результат свободно принятого нами решения, за последствия которого мы готовы принимать благодарность и поощрение³⁸. Видимо, размышления над этим парадоксом и привели Канта к открытию того, что знание *правил поведения* мы приобретаем иначе, чем знание о *законах природы*. Мир практических поступков непостижим средствами *теоретического* познания, чувственностью и рассудком, которые превращают свободное и вменяемое *лицо* (Person, Personlichkeit) в неразумную и неподсудную *вещь* (Sache), ничем не отличающуюся от *предметов опыта* физического мира, а *практические правила поведения* – в *законы природы*, с непреодолимой силой исключая вариативность человеческих поступков.

Но и мир *природы*, по Канту, непостижим, если пытаются познавать его с помощью одного только *разума*, основное назначение которого – познание *практических правил поведения* и руководство с их помощью свободным поведением людей. *Разум*, пытаясь самостоятельно, без помощи рассудка, полагаясь только на собственные умозаключения, познать природные явления, истолковывает их как результат волевых целесообразных действий, основа которых – разумное или неразумное *желание*. Примеры тому – телеологическая *физика* Аристотеля с ее *стремлениями* тел различной природы к их *естественным местам*, где они могли бы обрести *покой*, и высмеиваемая Кантом современная ему *физикотеология*. Если следовать Канту, только ограничив свой интерес *предметами опыта*, наиболее адекватно выражающими идею неумолимой *природы*, и отказавшись от умозаключений о внешних им целях, то *разумная*, но *безрассудная* (или недостаточно рассудительная) *физика* превратилась в *естествознание* с его неопровержимыми *всеобщими* и *необходимыми* суждениями.

³⁶ «Практическая свобода может быть доказана опытом. Действительно... мы ведь обладаем способностью посредством представлений о том, что полезно или вредно даже весьма отдаленно, преодолевать впечатления, производимые на нашу чувственную способность желания; но эти соображения о том, что желательны для всего нашего состояния, т. е. что приносит добро или пользу, основываются на разуме» [5. С. 1007–1009].

³⁷ Дело это нелегкое и почти невозможное. Об этом хорошо знают преступники, которые, страшась наказания, имитируют зависимость своего поведения в момент преступления от *патологической* (животной) воли, якобы полностью подчинившей их разум, что делает человека *невменяемым*, т. е. превращает его из homo sapiens в некое человекоподобное существо, которому в силу его неразумности нельзя *вменить в вину* любое, даже самое аморальное и незаконное, действие.

³⁸ Кант называет парадоксальным «требование считать себя в качестве субъекта свободы нуменом и вместе с тем – в своем собственном эмпирическом сознании – феноменом по отношению к природе» [7. С. 289].

Однако было обстоятельство, которое не позволяло Канту без каких-либо оценок ограничить список наук теоретического познания только математикой и естествознанием. Это обстоятельство – организмы. Они, так же как и другие тела, являются нам помимо нашей воли, но изучение этих *предметов опыта* не может обойтись без телеологии. Вопрос о функциях органов, их назначении и, следовательно, вопрос «зачем?» неизбежен в анатомии и физиологии³⁹. Кант в последней *Критике* даже использует термин *теоретическое естествознание* для обозначения того, что он прежде называл просто *естествознанием*. Немало страниц он посвящает оправданию *телеологии* применительно к отдельным организмам, доказательству неприменимости ее к остальным предметам и к их совокупностям и объяснению того, почему изучение органических существ, хотя и дает понятие цели *объективную реальность* и вводит эту реальность в естествознание, все-таки нельзя считать *теоретическим естествознанием*, но только *физической телеологией* (см.: [8. С. 597, 665]).

Не вдаваясь в подробности аргументации Канта, опирающейся на различие им функций *определяющей* и *рефлектирующей* способности суждения, рассудка и разума, отметим, что биология на рубеже XVIII–XIX веков, с ее креационизмом и искусственными классификациями, совершенно не соответствовала кантовским критериям науки *теоретического познания*. Но другой биологии тогда не было. Реально существующими считали, например, К. Линней и Ж. Б. Ламарк (один из изобретателей слова *биология*) только отдельные организмы, а их виды и остальные таксоны – всего лишь искусственными фикциями интеллекта, помогающими хоть как-то упорядочить многообразие органического мира.

Биологические виды как реально существующие объекты, в границах которых только и возможна жизнедеятельность отдельных организмов, включая их спаривание, дающее плодородное потомство, виды, которые, подобно всему живому, зарождаются, расцветают и умирают, давая жизнь другим видам, станет очевидностью теоретического познания только через 50 лет после смерти Канта. Еще дальше от этой даты отстоит начало математизации биологии в ходе выяснения законов наследственности. Пока же описание организмов и распределение их по таксонам составляло суть биологии XVIII века, а выбор той или иной таксономии зависел от вкуса и пристрастий систематизатора, поэтому его описательно-упорядочивающую деятельность, с точки зрения кенигсбергского мыслителя, нельзя считать теоретическим естествознанием. Именно поэтому Кант не включал *физическую телеологию* в состав *наук теоретического познания*. Этими науками остаются для него только *математика* и *естествознание*, предметы которых исключают своевольное вмешательство в естественные процессы и взаимоотношения между ними.

³⁹ «...Те, кто занимается анатомией растений и животных, чтобы исследовать их строение и найти причины, почему и для какой цели существуют такие-то части и почему они именно так расположены и именно так связаны между собой, почему у них именно эта внутренняя форма, необходимо должны принять как обязательную... максимум – ничего в подобных созданиях не *бывает напрасно* – и пользоваться ею так же, как основоположением всеобщего учения о природе, гласящим, что *ничего не происходит случайно*. Действительно, они так же не могут отказаться от этого телеологического основоположения, как и от всеобщего физического основоположения, ибо, если отбросить это последнее основоположение, не останется никакого опыта вообще; если же отбросить первое основоположение, **не останется путеводной нити** для наблюдения...» [8. С. 569].

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика.
2. Аристотель. Физика.
3. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения : в 2 т. – М., 1989. – Т. 1.
4. Кант И. О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 1994. – Т. 1.
5. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – 2-е изд. – М., 2006. – Т. 2. – Ч. 1.
6. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – 1-е изд. – М., 2006. – Т. 2. – Ч. 2.
7. Кант И. Основоположение метафизики нравственности. Критика практического разума // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 1997. – Т. 3.
8. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 2001. – Т. 4.
9. Кант И. Прологомены // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 4.
10. Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения : в 6 т. – М., 1994. – Т. 6.
11. Кант И. Из рукописного наследия. – М., 2000.
12. Кант И. Лекции по этике. – М., 2005.
13. Кант И. Новое освещение принципов метафизического познания // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 1.
14. Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия бога // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 1.
15. Исследование отчетливости принципов естественной теологии и морали // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 2.
16. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и интеллигибельного мира // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 2.
17. Кант И. Уведомление о расписании лекций на зимнее полугодие 1765/66 г. // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 2.
18. Кант И. Статьи и письма разных лет // Кант И. Сочинения : в 8 т. – М., 1994. – Т. 8.
19. Болдыгин Г. В. К истории слова «философия» (Против утилитаризма) // Вестник Гуманитарного ун-та. – 2013. – № 1. – С. 127–138.
20. Кассирер. Жизнь и учение Канта. – СПб., 1997.
21. Мальтер Р. К истории возникновения «Основоположения к метафизике нравов» и «Критики практического разума» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 1997. – Т. 3.
22. Мотрошилова Н. В. Послесловие русских эдиторов. Комментарии к «Критике чистого разума» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 2006. – Т. 2. – Ч. 2.
23. Мотрошилова Н. В. Комментарии и Примечания к «Критике способности суждения» // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 2001. – Т. 4.
24. Eine Vorlesung Kants über Ethik / Herausg. von Paul Menzer. – Berlin, 1924.
25. Hinske N. Kant als Herausforderung an die Gegenwart. – Freiburg/München, 1980.
26. Prauss G. Einleitung // Kant. Zur Deutung seiner Theorie von Erkennen und Handeln / Hrsg. v. Gerold Prauss. – Köln, 1973.
27. Prauss G. Kant und das Problem der Dinge an sich. – Bonn, 1974.